

Интеллектуальное событие

От редакции

Завершаем печатать статьи из капитального труда, посвященного анализу семи поколений московских философов¹. В данном номере представлена часть трудов философов поколения 2010-х годов.

В.П. Макаренко

КРИЧАЩИЕ МАШИНЫ. ПУСТЫННЫЕ ХРОНИКИ²

И.Н. Белоногов

Институт философии РАН

Аннотация: Данный текст является экспериментальной попыткой сделать «объективное» поколенческое высказывание. Для этого постулируется локальность и неэталонность используемого в качестве примера субъекта-автора и вводится требование экспликации его точки зрения для ее объективирования. Вводится представление о поколениях и их спецификации. Авторская точка зрения объективируется за счет описания основных принципов, пристрастий и средового фактора, являвшихся определяющими для формирования его субъективности. После этого производится высказывание о поколении в широком смысле слова. Далее, указываются основные преподаватели-аттракторы, повлиявшие на формирование философских аспектов субъективности автора, после чего производится высказывание о философском поколении. В завершение делается прогноз относительно будущего.

Ключевые слова: философское поколение, поколение Y, 2007, RPG, Жиль Делёз, Фридрих Ницше, Фриказоид, Белоногов Иван, «le Shizo»

...мы ощущаем сегодня одиночество, отчаяние и меланхолию в том, что можно было бы обозначить ужасным и фальшивым словом «поколение».

Деррида Ж. Дальше мне предстоит идти одному

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил.

² См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 1147–1177.

Говорить о своем поколении – значит развязывать войну. Ведь в этом слове – «поколение» – естественно просвечивают «мы» и «они». За этим слоем следующий – «я» и «мы». Риски растут.

Как говорить о своем поколении и при этом не говорить за него? Как, выступив с этой речью вперед, не прослыть бастардом? Рефлексируя о всех тех, кто вместе со мной говорил «мы», и при этом не дав им слова – в данной речи, здесь и сейчас, – как не произвести двойное предательство: не быть тем, кто отстранился, чтобы проанализировать; не быть тем, кто незаконно приватизировал «голос» поколения?

Как говорить о «мы», если здесь, честь по чести, только «я» или, точнее, «он»?

Быть может, мне повезло. Повезло потому, что «одинокость», «аутичность», «отстраненность» и совершенно невинная наглость являются очевидными чертами того поколения, к которому я принадлежу.

А значит, задачу надо скорректировать.

Не «мое поколение», но «я поколения».

Что значит «я как сформированный поколенческим со-бытием».

Некто, назовем его, скажем, Белоногов Иван, является сингулярной актуализацией тех событий, что произошли в Российской Федерации с 1992 по 2020 год (шестью днями можем пренебречь³). И то, что называется «его Я» – это продукт времени, который в данном тексте будет препарирован и проанализирован в качестве частного примера. Примера, который в силу самой исторической ситуации не может выступать как «эталонный»: в славную эпоху российского постмодернизма такие понятия, как «эталон» или «авторитет», отправились в исторические архивы словесности.

С помощью этого хода, этого постановления, гласящего – «Белоногов Иван есть далеко не эталонный пример, выбранный исключительно в силу его доступности автору данного текста», снимаются обвинения в «незаконной приватизации».

Но тогда на нас обрушивается, со всей неумолимостью, другое обвинение – в фиктивной отстраненности. Оно удваивается – «он» не только вызвался говорить о своем поколении так, словно может смотреть на него объективно, но и утверждает, что так же объективно может рассмотреть свое «Я».

Это обвинение требует ответа на вопрос о точке зрения. Какова точка зрения, с которой возможна эта объективность?

Для этого, первым шагом, процитируем одного современного философа, что оказался крайне «моден» на момент написания данного текста: «существует своего рода сущность, объектность субъекта, а объектность – это точка зрения» [Делез 2015: 33]; «субъект вторичен по отношению к точке зрения субъект конституируется точкой зрения, а не точка зрения – субъектом» [Там же: 32]. Следовательно, используя нашего субъекта в качестве неэталонного примера, мы рассматриваем его как один из объектов в поле зрения, которое само является частью мира. Тогда под «субъективностью» здесь будет пониматься набор приписываемых «субъекту» ролей внутри сложившегося социального режима («ребенок», «отрок», но и «школьник», «студент», а также «панк», «эмо» e. t. c.). Эти роли, накладываемые на точку зрения, тогда становятся маркерами, указывающими на ее расположение в определенный период («смотреть на мир глазами ребенка», «видеть сквозь призму подросткового максимализма», «делать философию как отмороженный панк» e. t. c.).

Вторым шагом уточним: «То, что определяет мою точку зрения, подобно своего рода прожектору, который во мраке смутного и запутанного мира сохраняет ограниченную зону

³ Официальной датой образования Российской Федерации считается 25 декабря 1991 года. Но покуда от последующего года эту дату отделяет лишь 6 дней, мы «округляем» до 1992.

ясного и отчетливого выражения» [Делез Там же: 34]. А «то, что я выражаю ясно и отчетливо есть то, что сопряжено с моим телом» [Там же: 35]. С такой точки зрения описываемые события и люди оказываются объективны – ведь это они формируют точку зрения, и, одновременно, откуда они есть то, что было сопряжено с «моим телом», они же и позволяют определить положение – тела и точки зрения.

Сделав эти два шага, можно постулировать: последующий рассказ «субъективен» в том смысле, что включает в себя лишь то, что было увидено со вполне определенной точки зрения; в то же время он объективен, поскольку сам анализ объективирует эту точку зрения, определяя ее указанием координат.

Обретенная невинность открывает возможность начать речь о «поколении». И поскольку это будет речь «научного сотрудника Института философии РАН», то начинается она с экспликации теории поколений и методологии его анализа.

Поколения конца [алфавита]

*Я такой же как ты, такой же как я
Я не такой как ты, не такой как я.
Психея «Поколение Ты»*

Существует множество трактовок понятия «поколение»: люди, родившиеся в определенный промежуток времени; живущие в сходной экономической, политической и культурной ситуации; разделяющие одни ценности (конечно, есть и биологические, и генеалогические понятия «поколений», но здесь и сейчас от них нет проку).

Но, прежде чем обращаться к ним, зададимся вопросом: будут ли два поколения, оказавшиеся в одних и тех же, неизменных на протяжении их жизней, условиях, полностью схожи между собой? Думается, их различие будет устанавливаться через символические отношения между ними: антагонизм «отцов и детей» или асимметрия «учитель – ученик» будут задавать их отличие в различные периоды. И даже если последующее поколение повторит путь предыдущего, то стоит обратить внимание на смену их ролей относительно друг друга: «отцы» и «дети» превращаются в «отцов, ставших стариками», и «детей, ставших родителями», сделав тем самым структуру их отношений тернарной – дополнив ее отношениями «деды и внуки». А ведь можно говорить и о поколении «младших» и «старших братьев». Потому, помимо «содержательных» определений, следует помнить и о структуре взаимоотношений между поколениями. Тем более в нынешней ситуации она не столь проста.

Но задача оказывается гораздо проще, стоит лишь начать решение: развал СССР и появление РФ оказывается водоразделом, трансверсальным всем выделяемым аспектам. Это и политический разрыв, и экономический (приход рынка), и культурный, который, в свою очередь, призвал новые ценности.

Для удобства возьмем уже имеющуюся, навязываемую информационными медиа четверицу: беби-бумеры [«бумеры»] и поколения X, Y и Z.

Так поколение бумеров оказалось носителем, который вырос и прожил половину жизни в одной ценностной среде, а после оказался в новой. Которая полна событий и идей, вступающих в противоречие с успешными прижитыми ценностями. В философии это вылилось в книги и разглагольствования, полные ностальгии и меланхолии. И полные ненависти к «постмодернизму», который ассоциировался с пришедшим на руины нерушимого дивным новым миром. В связи с этим долгое время (примерно до 2015 года) это поколение было поколением «Терминала»: подобно герою Тома Хэнкса (и его реальному прототипу – Мехрану Карими Нассери) из фильма «Терминал», это поколение, не имея возможности вернуться

обратно в СССР (в силу его исчезновения), но не желая принимать РФ с его новыми ценностями и правилами игры, на несколько десятилетий зависло в коллективном фантазме о «траве, что была зеленее»⁴.

Но поколение X оказалось не менее везучим: так, в Америке оно также называлось «поколением Прозака» – из-за высокого уровня самоубийств, доведенных до конца благодаря выписываемому врачами препарату от депрессии – прозаку, – который дарил готовность быть активным и достигать своих целей, но не затрагивал самих этих целей, которые у обладателей депрессии чаще всего сводились к одной – суициду.

В России же этому поколению был выдан другой «подарок»: закончив советскую школу, оказаться в капиталистическом мире, ориентированном строго на Запад. Ценности, коими они были заражены в школьные годы, никуда не делись, но к ним с необходимостью (в первую очередь, в связи с необходимостью выживания в хищническом мире глобального рынка) прибавились новые, идущие вразрез с имеющимися. И их головы забурлили: прыжки из крайности в крайность, постоянно возникающие бредовые идеи, являющиеся результатом, всегда не окончательным, решения возникшего в их умах противоречия; ирония – как обезболивающее, позволяющее следовать новым правилам в режиме «как бы». Во многом ситуация последних 30 лет – их рук дело. Еще одно их название – «Поколение П» (что, по одной из версий, значит «Пепси», а по другой – «Пустота»).

Ситуация же в философии имеет интересную параллель с ситуацией в экономике. Самвел Аветисян в одном своем интервью⁵ говорит, что можно выделить три волны менеджмента в России: первая, прошедшая сквозь 90-е, ознаменовалась тем, что основную задачу – ввезти новые продукты в страну – выполнили преступные элементы; вторая определяется поражением – вместо того, чтобы создавать новые бренды, внедрять новые модели, российские менеджеры довольствовались купленными франшизами, которые в силу новизны приносили доход и потому не заставили менеджеров задуматься, а растущие за счет роста цен на нефть их зарплаты поддерживали сладкую грезу о том, что они всё делают правильно; третья же волна только предрекалась (ибо интервью имело место в 2013 году) и должна была принести с собой необходимость в производстве своего и нового.

То же верно и для философии: 90-е были временем переводов, когда различные философы и философские школы занимались в основном тем, что пересказывали, переводили и публиковали зарубежных авторов либо критиковали это дело и Запад вместе с ним; на втором этапе произошел переход от заимствованного содержания к заимствованным формам – стали применяться схемы и модели философствования, которые привели к славе зарубежных мыслителей, и поначалу это, в силу новизны, действительно приносило свои плоды. И вот, третья волна, которую датирую 2009 годом, как годом своего поступления в МГУ, когда смог наблюдать, как иксы сталкиваются с задачей – начать творить что-то стоящее – и, пока неумело, начинают свои попытки.

Напоследок, для того, чтобы всё не выглядело столь мрачно и цинично, добавим один интересный и романтический факт: один из «Иксов» выдал как-то мне, что гимном его поколе-

⁴ Так же о различии поколений («Терминала», X и Y), о событиях, которые вывели эти различия на поверхность, и о некоторых концептах, с помощью которых эти различия можно зафиксировать см.: Белоногов И.Н. О связи понятий «человек» и «идентичность» в современной философии // URL: <http://philh.ru/index.php/arkhiv-materialov/video/197-belonogov-i-n-o-svyazi-ponyatij-chelovek-i-identichnost-v-sovremennoj-filosofii> (дата обращения: 20.10.2020).

⁵ Интервью Самвела Аветисяна «Эпоха менеджеров закончилась!» // URL: <https://www.e-executive.ru/management/biznes-liderstvo/1851757-epoha-menedzherov-zakonchilas> (дата обращения: 20.10.2020).

ния могла бы стать песня «Моя оборона» группы «Гражданская Оборона», а конкретнее – строка, утверждающая, что «пластмассовый мир победил»⁶.

Следующими же в нашей программе будут выступать: первые рожденные в РФ, посреди рынка. Выросшие на хитрых западных конфетах, мультиках, книгах и играх, в соседстве со всем зверинцем «90-х»: бандитами, менеджерами, героинщиками, рекламщиками, программистами и рейверами. Встречайте – «Поколение Y», или «Миллениалы».

О них, в следующих главах, и планируется вести речь. Точнее о том, чем стали те из них, кто выбрал своей стезей философию. Еще точнее – о том, что видел, пережил и подумал некто Белоногов Иван, родившийся на планете Земля, что в Солнечной системе, в городе Москва, только ставшей столицей Российской Федерации, где-то в начале 90-х и взятый нами как неэталонный пример этого самого поколения...

Иваново детство: 90-х милая пора

Это не я иду против движения –

Это вы оказались на моем пути!

Я такой, какой есть

И такой, каким никто не хочет меня видеть.

Психея «Поколение Ты»

Субъект загружается, ждите...

Загрузка почти завершена. Пожалуйста, не выключайте внимание и не закрывайте текст...

Распаковка...

Установка...

...Установка завершена.

Запуск...

Так непривычно говорить «Я», говорить от «своего» имени. Стал это делать лишь после того, как год назад пришлось получить трудовую книжку. А до того любил я пользоваться псевдонимами, никами и прозвищами.

Возможно, это потому, что одним из философских экспериментов придумал такой: стереть всю субъективность, все личностные привязанности и черты, чтобы говорить как «Никто». Результат, что интересно, в какой-то момент оказался прямо противоположным: под субъективностью нашлись точка зрения и тело, привычки и гены – всё то, что оказалось довольно твердым фундаментом для индивидуальных отличий. Особенность этого фундамента в том, что его нельзя просто снести – это приведет к смерти. Его надо медленно пере-страивать. Дело это, конечно, идет, но дело не в этом. Дело в том, что эти неустранимые *hic et nunc* тела и точки зрения требуют признать собственную сингулярность, единичность. И не имеет значения, как ее называть.

Может, конечно, причина другая: желание освобождающей анонимности. Не для того, чтобы троллить людей в интернете, но чтобы продолжать быть ускользающим от навязанного контроля. Контроля, исходящего от тех, чьи намерения сомнительны как в плане целей,

⁶ Почему бы не деконструировать эти слова, поняв «Пластмассовый мир» как «Мир LEGO», мир пластмассового конструктора, превратившегося из игрушки в инструмент. От набора для архитекторов Lego Architecture Studio, через LEGO Serious Play для бизнеса, к философским статьям и книгам, как то, книга Резы Негарестани «Intelligent and Spirit», к которой можно было купить набор «философского лего» – Лего само всё больше превращается в инструмент деконструкции, который наполняет концепт «клипового мышления» позитивным смыслом.

так и в плане качества интеллектуальной проработки. Но в последние годы это уже даже перестало быть альтернативой между «будь рабом с именной кредиткой» и «лишись всех благ цивилизации [и беги в лес]». Никакой альтернативы – всякое лицо уже давно считала камера и обработал искусственный интеллект. Оно давно уже есть в картотеке.

Думается, эти две причины связаны между собой – так просто отказаться от личности, когда знаешь, что где-то есть резервный файл.

А может, дело началось гораздо раньше, когда я – третий, второй и первый ребенок одновременно – узнал, что получил имя дедушки, к которому относился с особым теплом и который был готов передавать знания, наставлять и учить, заражая теми принципами, что сделали его несомненным главой семьи. Получалось, по моему тогдашнему разумению, что имя «мое» мне вовсе не принадлежало – мало того, что мне его кто-то дал, так еще и само оно было именем живого человека, который им всё еще продолжал пользоваться. И даже если бы никто не возражал, если бы им в своем праве пользовался и я, оно всё равно еще имело и определенную символическую нагрузку, определенные обязанности. Пятнать имя – свое или чужое – всегда паскудное занятие. А уж если оно одновременно и твое, и дедушки твоего, то тут лучше и не прикасаться. Особенно если ты – неловкий гиперактивный ребенок. Дедушка к тому же выставил планку крайне высоко. Короче, не хотелось обременять себя таким грузом, а имя собой.

Со временем мне более-менее удалось занять неопределенную высоту, а подъем планок стал полюбившимся делом. А когда осознал, что память, прошлое и история всё еще отпечатаны на мне; что имя, пользуясь я им или нет, так или иначе, используется системой идентификации; что, постоянно ускользая от контроля, уходя от встречи с ним, начинаешь отставать в развитии, ибо не знаешь, каков нынче враг – тогда уже имя само ко мне приросло, не испрашивая никаких позволений. Впрочем, это даже круто – получить Имя-Отца. Пусть и небесплатно.

Думается, таково вот введение, позволяющее составить психопортрет.

Может, надо добавить – родители инженеры, связанные с космической промышленностью. Потому и шучу, что-де все родились в роддомах, а я в космосе, в Солнечной системе, на планете Земля... и т. д.

Сестра и братья – маркетологи да бизнесмены (плюс один психоаналитик, что хочется отметить отдельно). С ними прошел сквозь мир рекламы, пиара и продвижения брендов, что позволило ознакомиться с новыми правилами игры, в которую играет общество. Да посмотреть на мир с «Крыши Мира», через оптику жителей верхних этажей социума, не испачкав рук и не замочив ног.

Квартира – большая библиотека. Казалось, вся история и культура человеческой цивилизации – это то, что расставлено по полкам и до чего рукою можно дотянуться.

Маман, атеистка с тремя высшими образованиями, учит и требует.

Интересно сказала мне в детстве: «ты новое, следующее поколение. Ты – улучшенная версия нас. Если ты будешь просто умен так же, это должно считаться отставанием в развитии». Уже в университете узнал, что это – один из аспектов техногенной цивилизации, сменившей традиционную. Та была направлена в прошлое, в воспроизводство. А техногенная держит курс в будущее, ставя на прогресс. И тогда каждое следующее поколение оказывается модификацией предыдущего и задает современность, относительно которой уже происходит отбор опыта более ранних поколений – что из этого опыта всё еще актуально, а что перешло в разряд «истории».

(Вообще, такое понятие как, «авторитет», тем более возрастной и «непререкаемый», не сложилось. То результат нескольких факторов. Во-первых, в памяти у него отложилось, что мужчина моложе 80 – это «мальчик». Ну, так их маман называла. Во-вторых, возмож-

ность идентифицироваться с дедушкой, данная вместе с его именем. Этот немотивированный дар свел на нет ощущение любой возможной возрастной разницы. В-третьих, в семье учили уважать и оценивать в первую очередь ум, знания, смелость и честность. Ну и «добро-ту» (Спросив как-то родителей, что значит «милосердие», с удивлением обнаружил, что они вдруг затрудняются с ответом. Потому «доброта» – это качество не семьи, но других людей, которых стоит оберегать, ибо они ради нее умом пожертвовали.) В школе, университете, да и практически везде эти принципы не раз приводили к непониманию, даже агрессии со стороны окружающих. Зато они же сделали встречу с философией возвращением домой.)

Что «секс – это не повод знакомиться». И с тех пор он не знакомится исключительно ради секса, а для секса не ищет ни повода, ни знакомства. Принимая во внимание психоаналитическую составляющую философии XX века, эта его особенность многое объясняет. В первую очередь – легкость ее принятия и освоения.

И что «мужчина должен уметь всё или мочь быстро научиться». Хорошее напутствие для изучения философии. И установления враждебного отношения с другими существами мужского пола.

Особый интерес – умные книги читать в детстве мне запрещали. Да, в общем-то, и в пубертате говорили, что «ты туповат и вряд ли поймешь, лишь книги испортишь». Это объясняет такую заикленность на чтении – всё то, что нам запрещают в детстве родители, становится потом нашими желаниями. Потому читает, курит и пьет. С любовью.

Отец живет отдельно. Закончил бауманку. «Православный коммунист-ракетостроитель» – обычно представляю его так. Приезжает в выходные. Иногда берет с собой на МАКС (фестиваль аэрокосмических достижений). Любит зачитывать понравившиеся цитаты из книг. Учит наслаждаться поэзией и классической музыкой. Во время прогулок разговоры либо о моих выдумках да отгадках, либо о науках. Читает в качестве сказки на ночь «экке-зиаста». Думается, это внесло свою лепту в мое отличие от тех детей, с которыми отцы играли в футбол.

Если добавить к этому, что ребенок он поздний и родители его – бумеры, то можно описать его как субъекта-миллениала, взращенного бумерами-интеллигентами [по образу инженера-изобретателя-героя-универсала] и нахватавшегося лучшего у Иксов (которые, будучи братьями, с точки зрения генеалогии, были того же поколения, оставаясь старше на 20 лет).

Любимые художники с детства: Энди Уорхол, Винсент Ван Гог, Сальвадор Дали. Позже к ним добавится Кандинский, Ротко и Бэкон. Отсюда интерес в университете сразу пал на французскую философию и начала XX века (узнав, что есть еще такие сюрреалисты, как Жорж Батай и Антонет Арто), и его второй половины («постмодернизм» ассоциировался с Энди Уорхолом и сразу воспринялся в позитивном ключе).

Квартира полна животных – две собаки, попугай, черепаха. Межвидовая коммуникация с младых лет. «Животные, они же не люди, с ними говорить надо» – узнал он и запомнил. Это в итоге повлияло на выбор темы дипломной работы – сознание животных.

И конечно – юмор. Шутили все. Надо всем, всеми и, конечно, собой. Людям без чувства юмора не доверяли. Ведь если «для умных жизнь – комедия, а для чувствующих – трагедия», то человек, который не смеется и не плачет, интерес представляет лишь технический.

Все становится чудесатее, когда мы берем масштаб города – весь этот литературно-героический зоопарк, располагался посреди самого криминального района Москвы.

В округе убивали, грабили, умирали от передозировок. Забыв лишний раз оглянуться, можно было легко оказаться окруженным, а после побитым и далее по описи. Возможно, это были «90-е» и их эхо в самом соку.

Школа была простой. Ну, или не очень, ведь в ней была даже курилка. А выпускники раз в шесть лет убивали на выпускном бомжа. Такое в действительности случалось лишь два раза, но в силу общей циничности присущей гетто, это подавалось молодым поколениям как традиция.

Леворукость сыграла шутку – нечитабельный подчерк и учительница, не желавшая принять его как данность, обратились в «тройку» по «Русскому языку». Прочитав ныне Фуко, задаюсь вопросом – не стала ли эта «тройка» первой стигматой, что предрешила весь школьный путь? Ведь раз «тройка», то «троечник». Раз «троечник» – друзья хулиганы. Короче, дивергент косолапый.

Друзья-хулиганы. Сказано громко, но отражало действительность. Точнее лишь – «отморозки». Наименованием этим гордились, несомненно. Компания – ребята, приезжие из разных городов, а скорее, деревень. Живущие иногда и за чертой бедности, но чаще – на самой этой черте, проходящей сквозь все 16 улиц. Драки, срывы уроков, прогулы, а там и полный набор рок-звезд. Даже гитары были. И старый наркоман из соседствующего со школой мужского общежития, игравший и певший нам русский рок.

И если говорить за самый узкий круг моих философских контактов, то, думается, улица тоже участвовала в их воспитании.

С тех пор не люблю «белую кость». И это не реваншизм из низов, нет. Побывав и внизу, и вверху, точно знаю – если человек из себя что-то строит, значит само не выросло. Элитарные общества не создают, ими оказываются.

С тех пор радуюсь, что не оказался в итоге «тепличным». Посмотрел на мир, да на то, как люди живут. Себя проверил. Да, есть деформации – когда меня ехидно критикуют коллеги, не по делу, а по личной неприязни, то первый вопрос, всплывающий в голове – «Есть ли у них стоматологическая страховка?» Там, где он вырос, люди доставали ножи, пистолеты или, в крайнем случае, коротким отточенным движением делали из бутылки розочку и из-за меньших разногласий⁷. И думается, это важно – философ должен понимать цену жизни. Как своей, так и чужой. Иначе будет слишком просто говорить о гуманизме и равенстве, «плоских онтологиях» и «мире без насилия», да «измазанной в котлете губой, похотливо напевать Северянина».

И последняя деталь пазла – панк-рок. Конечно, пролетарии готовы рвать глотку, понося буржуев и весь Вавилон, но лишь пока они чувствуют себя обделенными. Их протест заканчивается детьми и ипотекой.

Совсем другой эффект оказывает панк-рок на интеллигентный, крепко воспитанный разум. Ограничения, правила поведения и хорошего вкуса, необходимость держать лицо и с гордостью нести фамилию, сохранять традиции да заучивать догмы обращаются в сильное Супер-Эго – в жесткую цензуру и постоянное вытеснение. Лишь человек, чей разум постоянно бьется о прутья решеток, станет бороться за свободу разума и духа, даже имея возможность вкусно поесть и в тепле поспать. Убивают в себе государство лишь те, кто его в себе имеет и кому оно сильно докучает. Потому ближайший мой круг общения в конечном итоге состоял из очень воспитанных девчонок и ребят, которые, хлебнув не однажды той легкости, что обретается путем преодоления границ, сломов шаблонов и свержением догм,

⁷ Не стоит эти слова рассматривать ни как угрозу, ни как предупреждение. Это просто констатация факта. Впрочем, зная, что существуют представители философского сообщества, пользующиеся тем, что в этом сообществе рукоприкладство – табу, стоит задуматься о том, чтобы ввести философски отрефлексированную возможность борьбы (быть может, даже именно греко-римской) как сдерживающего фактора. Причем, чтобы она начала функционировать в этой роли, к ней нет необходимости прибегать, достаточно продумать эту возможность, концептуализировать и прописать, оповестив сообщество об их появлении.

со всей смелостью, яростью и упорством срывали с себя все ограничения, установленные производителем.

Думается, именно так объясняется совпадение трех черт, которые легко обнаруживаются у каждого из моих коллег и товарищей – панк-рок, Ницше и «французский постструктурализм».

Такой удивительный, честно скажу – неожиданный для меня, парадоксальный вывод: ближайший круг общения, сформировавшийся в настоящем времени, выводится из наиболее ранних, «личных» моих воспоминаний.

Впрочем, достаточно я пробыл в этих тесных глубинах детских воспоминаний. Пора расширить горизонт, сменить масштаб на ступень вверх. Туда, где царствуют

Ницше и Фриказоиды

Что я знал о junk'e?

Jane Air «Junk»

Россия довольно большая страна, и в различных регионах экономические и культурные факторы будут различны. Видимо, по стигматам, полученным в детстве, ты находишь друзей. Ты узнаешь в них геральдику родных просторов. В нашем случае – клеймо со «знаком качества» из тех мест на краю ночи, куда добираются лишь те, чья смелость граничит с безумием.

Но это всё приватное дело, столь узкий круг людей, что он рискует обратиться в клуб для избранных.

Нет, мы этого не допускали и не допустим. Всегда были открыты ко всем, кто приходил к нам. Сами, будучи аутсайдерами и маргиналами еще в то время, когда это не только не было еще мейнстримом, но даже не приносило ничего кроме буллинга и бед, мы всегда были готовы впустить беглеца, отринутого обществом, в наш круг и прикрыть, в случае необходимости, его своими спинами. Конечно, всегда уточняя: «Мы не секта. Вам тут не рады».

Впрочем, всему свое время.

А сейчас, поскольку попытка узнать свое поколение по своему прошлому привела нас к тесному кругу общения, являющемуся скорее стаей, постольку стоит попробовать сменить метод.

Действительно, не перечислять же всех своих друзей, товарищей и знакомых, в надежде вывести из них формулу поколения. Вместо этого попробуем обратиться к тем предикатам, что можно приписать поколению а priori.

Так, с начала 90-х годов и примерно до середины «нулевых» российское телевидение могло похвастаться лишь крайне ограниченным набором каналов – вначале их было 6, потом добавилось еще несколько (СТС, РЕН ТВ, ТНТ и т. д.). И то, как сеть эта раскинулась по всей стране, да то голливудское раздолье, что стало доступно простому зрителю благодаря телевизору, достаточные причины, чтобы предположить, что те мои сверстники, которые по удивительным причинам телевизор в детстве не смотрели, это не треть и не половина поколения, даже не четверть, но обыкновенное множество, по размеру не большее, чем другие таксоны. То есть «тех, кто не смотрел телевизор», вряд ли больше, чем «тех, кто смотрел покемонов», или «тех, кто смотрел мультики по СТС», или «тех, кто смотрел Сейлор Мун», и т. п.

Поскольку мультики – это такой же ментальный вирус, как и любое другое содержание медиа, и также содержащий меньшие вирусы (вирусные образы персонажей, вирусные образы поступков, манер и черт, вирусные ценности и принципы, Et cetera), постольку они

не только являются маркером, сообщающим о том, как распределялось время у того или иного индивида, имевшего возможность посмотреть тот или иной [мульти]фильм, идущий в то или иное время (мультифильмы в субботу утром, днем в будни, вечером в четверг и т. д.), но и о том, какие предпочтения он имел в те годы. Мультифильмы также сообщают о настоящем индивида, в котором теперь содержится определенный вирусный набор, воздействующий как на его образ, так и на его предпочтения. Оттого представители моего поколения, словно ментальные франкенштейны, состоят из частей образов телегероев – этика, собранная из несвязанных между собой принципов, китчевые манеры, стихийные знания. Для нас нет большой проблемы совмещать в себе Кота Леопольда и Саске, Геральда и Пятачка или, например, Гендальфа, Гамлета и Рика Санчеза. Думается, это важная модификация, отличающая мое поколение от предыдущих – мы не выбирали одну роль на всю жизнь, но всегда, практически в любой момент, могли сменить отыгрываемого персонажа. И каково же было наше удивление от того, какие роли – банальные, шаблонные, предсказуемые – выбрали себе ярмом на всю жизнь наши предшественники.

Мультики, а не фильмы, столь важны потому, что вместе с моим поколением пришел и жанр *adult swim*, возникший вместе с мультифильмом «Фриказоид». Этот мультифильм был создан для поколения американцев, которые выросли на «Аниманьяках» – еще одном мультифильме, отличительная черта которого, как это принято говорить, абсурдный юмор и слом четвертой стены. «Фриказоид» пошел по его стопам. Фриказоид – это супергерой, в которого может превращаться *perd*-подросток, после того как его, в результате, конечно, случайного стечения обстоятельств, засосало в интернет. Получив всю информацию интернета, весь поп-перовский «мир 3», всю культуру, он сошел с ума. Думается, Фриказоид мог бы послужить одним из образов, описывающих поколение Y.

Но «Фриказоид» – это только образ. Сам мультифильм не был популярен. Тем более не был так популярен, как «Покемоны». Можно было бы сосредоточиться на той истерии, что они вызвали, но лучше обратить внимание на ту модель, что они содержат: модели коллекционирования, прокачки и соревнования. Модель RPG – ролевой игры, настольной или компьютерной. В случае «Покемонов» их модель RPG предполагала конечного, но бесконечно дополняемого (поскольку всегда можно придумать нового покемона, отталкиваясь от уже имеющихся – по принципу различия) набора существ, которые распределялись согласно их типам, видам, энергии; каждый из покемонов имел несколько форм эволюции, каждая мощнее предыдущей, и переходил от стадии к стадии благодаря накоплению опыта; цель ловца покемонов состояла в том, чтобы изучить как можно большее число покемонов для того, чтобы выбрать среди них наиболее подходящих себе и тренироваться с ними, учиться и эволюционировать, дабы побеждать других ловцов. Когда встретил статью о модели RPG в журнале «Финиковый Компот», то понял, что не один, к счастью, ощутил ее плодотворность для ориентации в обществе⁸. Ведь жизнь как процесс «по сути» состоит в постоянном получении опыта, XP⁹. Важно лишь правильно выбирать встречи, которые принесут новые, пригодные для дальнейшего продвижения к цели, способности. Мир знания делится на науки, течения, навыки и особые приемы. И сам философский факультет – это пространство, расчерченное школами, союзами, группами и адептами. Те или иные спецкурсы позволяют получить различные навыки: методологии, мыслительные ходы, риторические фигуры, образы мысли и мышления. Воспринимая себя при этом как определенного персонажа, с кропотливо созданным образом, с любовью подобранной прокачкой и экипировкой.

⁸ Мишура А. Система развития навыков в RPG как поле философской рефлексии // Финиковый Компот. Вып. 7: Видеоигры. URL: <http://philosophy.ru/fk/fk-7/sistema-razvitiya-navykovv-rpg/> (дата обращения: 20.10.2020).

⁹ От английского *experience* ‘опыт’. Сокращение «XP» используется в компьютерных и настольных играх.

И эта модель в не меньшей степени пересекает важное событие «нулевых», которое связано вовсе не с 2001 годом, который иногда приписывают, наравне с интернетом, моему поколению как фактор влияния, а с 2007 годом. Недаром «верните мой 2007» стало мемом. Эпоха особо выразительных, ярких и шумных субкультур – панков и эмо. «Ягуары» и «страйки», «Amatory» и «Король и шут», «тунели» и дреды, «скорость» и «хлеб». Здесь можно было бы рассказать множество историй, но, к сожалению, сейчас, когда я пишу этот текст, существует возможность попасть в список экстремистов за наличие в аудиозаписях песни группы «Психея» – авангарда альтернативной музыки тех лет. Но, быть может, хоть какое-то представление о том, насколько прекрасные, свободные и дикие это были времена, доверху заполненные сигаретным дымом и рвотой, даст всё еще имеющаяся в интернете запись прямого эфира передачи «Воздух», где выступала та самая группа. Несомненно, это событие еще ждет своего исследователя. Здесь и сейчас же стоит сказать, что оно было похоже на взрыв – взрыв ярости, скопленной в молодежи, направленной внутрь («Са-мо-раз-рушение!») и вовне («Все государства – концлагеря!»), уставшей быть тем будущим, которое никто не хочет ни понимать, ни принимать. Асоциальность, протест и безумие, в одиночку и группами. В-себе и для-себя.

Другим трендом – потоком, – проходящим сквозь «2007», была «оранжевая серия»: книги «маргинальных», «трансгрессивных» и «проклятых» писателей: Паланик, Уэлш, Берроуз, Керруак, Томпсон, Буковски, Кизи и многие другие, вплоть до классиков – Лотреамона и Сада. Под сопровождение из панк- и альтернативного рока эти учения выкристаллизовались в «расширение сознания», «слома заостенелых норм» и эксперименты над собой. Хочется, конечно, сказать, что это также дало нам понять, что действительные таланты всегда где-то в стороне, в то время как всё то, что популярно и толпе знакомо, по сути своей – корм для свиней. Но, к сожалению, даже сейчас всё еще многие мои сверстники ведутся на криво скроенный пиар и банальную «замануху».

Последний и, возможно, самый важный фактор – это доступность интернета. Интернет позволил локальным и маргинальным культурам распространяться над географией. И самое широкое определение рассматриваемого поколения могло бы быть связано с сетями и принесенным ими плюрализмом. Тем сказано: «поколение Y» – первое «сетевое поколение». «Свободный интернет» (забытое уже словосочетание) – это было чем-то общим, но также и плацдармом для различий. Каждый мог самостоятельно отправиться серфить в Сети, ища то, что интересно именно ему. Даже живя в экономическом гетто, можно было найти себе круг по интересам или скрытое от чужих глаз море крайне экзотической информации. Об этом можно сказать многое, но обойдусь одним тезисом – мое поколение имело практически всё знание еще до того, как оказывалось в ситуации его практического применения.

Этот тезис взывает обратиться к фильму Кирилла Серебренникова «Изображая жертву». Ведь если «Бригада» – это фильм про российских «иксов», то «Изображая жертву» – это фильм про «игреков», и я готов подписаться под каждым словом, начиная с первой фразы главного героя, сквозь его замечание, сказанное бумеру-отчиму о том, что «границы остались лишь у вас в головах», и заканчивая финальным монологом еще одного бумера в ресторане. Мне удобнее называть это «интуитивным маркетингом» – мы знали, что наша личность – это некий бренд, вокруг которого нужно строить легенду, для которого нужно подбирать черты и особенности. Потому вся конкуренция между моими сверстниками строилась именно здесь – так ли ты аутентично отыгрываешь свою роль (знаменитое деление «тру / не тру»¹⁰), или, наоборот, насколько твой образ экзотичен и необычен (что достигается потреблением менее известных фильмов, книг, музыки), насколько интересные черты и манеры

¹⁰ От английского True, значение которого в данном контексте ближе всего к 'истинный', 'подлинный'.

ты собрал, насколько гармоничны сочетания. Помню, как один из моих товарищей-однокурсников сказал: «признай, что у меня лучше получается изображать инфантильного гения». И каково же, первое время, было наше внутреннее удивление, когда мы увидели, что старшие поколения принимают всё это за чистую монету. Всё это напускное уважение, симуляция кротости и скромности, невинности и возвышенности. Ведь вроде бы у них тоже есть телевизор, есть интернет. Да что там! У них должен быть хоть какой-то жизненный опыт...

Возможно, именно это удивление превратилось в разочарование всеми, кто был до нас. Ибо они были, и, честно скажу, по-прежнему остаются, слепыми котятками в ловких руках юных циничных манипуляторов. Высокие идеалы – морковка для ослов. А для нас – что-то вроде настольной игры – ты принимаешь их, чтобы хоть как-то развлечься. Идеология? Ложное сознание? Любая игра – это идеология со своими правилами и ограничениями. Выбери ту, которая тебе сегодня по душе. Надоест – выплюнешь, как потерявшую вкус жвачку. Главное – здесь нет ни капли обмана – мы никого никогда не стремились обмануть. Я хочу, чтобы это было четко и ясно артикулировано – мы всегда играли честно, симулировали с полным погружением. Честность актера в выборе масок и их сочетаниях. Какой смысл симулировать для кого-то? Мы выбирали игру для себя – ради наших ощущений. И если кто-то на это повелся, то это его проблемы. Телевидение, интернет, философия – всё ясно и открыто, сказано, повторено, объяснено. Всё прозрачно. Думается, этот текст – лишнее тому подтверждение.

Играем в открытую. И уж поверьте – выиграем. Потому что все знания прошлого – они прямо здесь. Бери – не хочу. И потому те, кто этого хотел, понимали со всей ясностью: быть гением легко. Тем более предыдущие поколения так низко опустили планку, что об нее можно разве что споткнуться.

Аттракторы

*When I was a young boy
My father took me into the city
To see a marching band
He said, «Son, when you grow up
Would you be the savior of the broken
The beaten, and the damned?»
My Chemical Romance
«Welcome To The Black Parade»*

Когда мне исполнилось 14, по-моему, лет, отец отвел меня в книжный магазин выбрать подарок. Только попросил, чтобы это были не обычные книжки, которые я читаю и забуду, но что-то действительно стоящее. Что-то содержащее мудрость. Не знаю, предполагал ли он, что направление поисков тут же стало мне очевидно, но в итоге мы оказались в разделе «философия».

Увидев книжку за авторством «Ницше», мне стало интересно – я встречал в интернете и литературе упоминания этого имени, иногда даже с восхищением и трепетом. «Генеалогия морали» называлась она. Аннотация срезонировала с моими тогдашними размышлениями – в тот период я как раз понял, что никакого окончательного основания, абсолютного обоснования знания быть не может. А быть может, что «добро» – это зло, а «зло» – это добро. Кто знает?

Вместе с этой книгой отец купил две на свой выбор – трилогию Ивана Ильина о «поющем сердце» и «Русскую трагедию» Зиновьева, – чтобы мудрость, которую мне предстоит почерпнуть, была всё же мудростью родных просторов.

Читая Ильина и Ницше (Зиновьева я, конечно, читать не стал) был удивлен – неужели есть люди, которые, как и я, задаются такими вопросами? Когда твои сверстники всей душой уверены, что сажа бела, а маму нужно любить, встреча с Ницше оказалась встречей с родной душой и первой философской любовью¹¹; Ильин немного перегибал с религиозностью, но показался очень похожим на Ницше. После, узнав о том, как Фридрих умирал – психиатрическая больница, одиночество, болезнь, – я возненавидел стадо всей душой, возненавидел всех тех посредственностей, что могут лишь «обламывать цветы и бабочку ночную, проглатывать с травой в неведенье тупом». В общем, дал себе зарок: «в мою смену такого не повторится». То есть я сделаю всё возможное, чтобы защитить тех, «чей путь высок, далек и горек». Попробую изменить «судьбу больших заслуг, перед судом ничтожеств». Буду защищать сильных от слабых.

Для этого, конечно, понял я, мне самому необходимо знать, мочь и уметь. Впрочем, эта необходимость и так была установлена вместе с воспитанием.

Возможно, в тот же год прочитал «Графа Монте-Кристо» и был очарован сценой обучения в тюрьме – того, как из него готовили идеального мстителя, знающего и людскую психологию, и устройство общества, и все науки, что позволяют использовать мир как инструмент. И там же прочитал, что есть еще наука наук, та, к которой приходят, лишь изучив всё остальное и набравшись достаточно жизненного опыта, – философия. Вот к чему надо стремиться.

Так он начал этот путь – бросай себя в новые ситуации, выбирай путь как можно сложнее, ведь именно на нем зарабатывается тот бесценный опыт, учишься у лучших и превозмогай себя.

К концу школы встал вопрос – куда теперь идти? Мне хотелось быть писателем и музыкантом – так восхищала сила, скрытая в ноте и слове. Но из музыкальной школы он вылетел, а в возможность зарабатывать деньги писательством в России не верилось. Решил пойти по стопам сестры и брата – пойти на социологический факультет МГУ и стать рекламщиком – управлять стадом.

Но вдруг неожиданность – школьный товарищ, что на класс старше был, сообщил, что поступил на «политологию» на «философский факультет». Прости, что? Философский факультет? Ты хочешь сказать, что есть факультет, на котором сразу учат науке наук, дают знания, оставленные нам величайшими умами в истории человечества? Хочешь сказать, что есть такая профессия, что заключается в том, чтобы читать, размышлять, уметь и делиться этим?

И хотя выбор был очевиден, решил спросить совета у семьи и своей школьной учительницы литературы. Сестра заметила, что никто не мешает изучить дополнительные профессии и, в случае необходимости, зарабатывать деньги. Отец был счастлив, но сказал, что предпочел бы видеть меня именно религиоведом – человеком, идущим по пути познания к высшему существу. Учительница, обладавшая циничным умом, большим кругозором и достаточной проницательностью, чтобы увидеть в главном хулигане школы талантливого молодого человека, сразу дала ответ: из тебя может получиться философ, а, следовательно, зачем выбирать что-то еще?

¹¹ Стоит отметить, что шутка – «да, я читал Ницше. Как и любой прыщавый подросток» – была и остается актуальной. «Так говорил Заратустра» занимает первое место по скачиванию и чтению в метро, см.: URL: <https://otr-online.ru/news/tak-govoril-zaratustranicshe-nazvana-samoj-populyarnoy-knigoy-onlayn-biblioteki-metro-moskvy-110898.html> (дата обращения: 20.10.2020). Таким образом, в современности Ницше оказался настолько востребованным, мейнстримным философом, что с ним знакомятся уже в пубертате.

Решено. А дальше – год безостановочной подготовки. Большинство социальных связей как балласт отброшено. Всё лишнее оставлено и забыто.

Потерпите еще немного – еще немного, и он дорасскажет об этом субъекте. Впрочем, думается, извинения излишни. Ведь вы уж, наверное, понимаете, что всё это нужно для того, чтобы в случае надобности мочь ответить на вопрос «почему он считает именно так», когда мы вновь вернемся к «поколению»; «почему он так резок в суждениях?»; «почему так безапелляционно презирает всех тех, кто, “занимаясь философией”, лишь тешит свое Эго?».

Итак – он поступил. Последнее, что стоит добавить, – один из товарищей на первом курсе заметил, что в силу эпатажного и вызывающего стиля одежды он казался «пафосным понторезом», но со временем всё же становилось понятно, что это человек, так безумно алчущий знаний, что на парах он чуть ли не ложится грудью на парту, в попытке как можно ближе оказаться к источнику этих знаний. Думается, это тоже важная черта моего поколения: мы знаем, без лживой скромности, кто мы.

А теперь вопрос: если он – безумец, влюбленный в Ницше и «свободные умы», ему успели надоест секс и алкоголь и он знает, что те, кто толпе кажется «странными», обычно, самые талантливые люди, то кого он найдет себе в качестве товарищей? А кто отсеется? Стоит добавить, что его внешний вид разработан как «проверка на идиота» (под «идиотом» здесь имеются в виду люди ограниченные, «зашоренные», полные предрассудков): разные носки, смесь кричащих цветов и необычного сочетания костюмов, галстуков и субкультурных нарядов. Так отсеиваются отпугиваясь люди, с которыми не хотелось бы иметь дело.

Мне встретились замечательные ребята – умные и образованные, читавшие в школьные годы Ницше, Кафку, Кастанеду и т. д. Более того – эти ребята знали философию гораздо лучше меня. Так что именно они стали первыми маяками, с помощью которых я ориентировался в море философских текстов. Конечно, сразу прочитал Платона, аж 12 диалогов. Схватился за Фрейда, и уже не отпускал до самого выпуска. Но также – Витгенштейн, Хайдеггер, Деррида, Жорж Батай. Мы обсуждали философию и издевались над обществом – таким запуганным и зажатым.

Уже после того, как каждый из нас пошел своим путем, понял: все мы были, в итоге, самыми забытыми аутсайдерами своих школ. В нас горела ненависть ко всему остальному обществу, что не приняло нас когда-то, что исторгло нас из уст своих. Отсюда два направления: эпатаж и издевательство над «порядочными людьми» (а на деле – желание привлечь к себе внимание) и путь к расширению сознания, чтобы быть как можно менее похожими на тех людей, что мы так презирали.

В этой связи всплывает важная деталь: мой курс был первым, принятым по ЕГЭ, без дополнительных, университетских вступительных испытаний. Отсюда немалое количество людей, которые попали на философский факультет «случайно»: отслужившие в армии, инвалиды и сироты получали автоматом 100 по ЕГЭ и могли выбирать любое место учебы, и это создало страшную конкуренцию, которая лишь усилилась в связи с тем, что можно было одновременно подавать документы во все вузы, что в итоге привело к тому, что на философский факультет попали те, кому просто не хватило места на других факультетах. На нем был самый маленький конкурс.

На первом курсе стоит выделить среди преподавателей, которые повлияли на нас – Дмитрия Бугая и Василия Юрьевича Кузнецова. Оба умели задавать нам вопросы, подрывающие нашу веру в свои знания. То есть они проводили нас сквозь первый этап – прививку скептицизмом.

Поскольку Бугай вел семинары по истории зарубежной философии, то вместе с ним вспоминается и Михаил Анатольевич Гарнцев, который вел лекции так, что ему посвятили отдельную группу во ВКонтакте. Он с легкостью переходил с одного языка на другой, среди

которых был даже древнеегипетский, часто забывая вернуться к русскому. Это была демонстрация возможностей и уровня. Возможностей человека и уровня университета. И они, несомненно, впечатляли. Он же добился того, чтобы программа курса по ИЗФ начиналась именно с изучения мысли – большей частью космогоний – древних цивилизаций Египта, Индии, Вавилона. Интересно будет в будущем установить, как повлияло это расширение понятия «зарубежная философия» на наши юные умы. А еще он летал подобно орлу, сидя на парте. Так фраза «Хэпер тебе» стала локальным мемом.

Бугай, в свою очередь, учил, а точнее, тренировал воспринимать древние тексты как древние, не пытаясь интерпретировать их через современные понятия. Избавлял от предубежденности относительно достоверности или недостоверности текста в зависимости от его формы, давая понять, что и мифопоэтический стиль изложения и наукообразный могут с одинаковой вероятностью как нести зерно истины, так и быть порождением «сна разума». Приучил говорить «егѠптяне», а не «египтПне». Конечно, он не настаивал на этом произношении, сообщив, что сам перенял его у своего учителя. Мы осознанно решили поступить так же. А еще он умел закатывать глаза так, что оставались видны лишь белки. Нам казалось, что так он либо связывается с высшим разумом, либо любит свой мозг.

На парах у Кузнецова было особенно интересно – он сразу выслал нам папку с отобранными им текстами, каждый из которых мы по очереди разбирали на семинарах. Показав тем самым, что философский факультет действительно таков, как и грезился – утопическое место, где основная задача – знакомиться с текстами великих мыслителей, отчитываясь мыслями собственными. Он учил нас, как читать ровно то, что написано, не внося туда «отсебятины». Как говорить лишь от себя, не вызываясь быть представителем тех, чьи мысли нам не даны. Но на его семинарах мне было сложно перебивать остальных студентов – у меня уже не было школьного желания как-то выделиться, чтобы преподаватель запомнил меня, в надежде, что это обеспечит его любовь и, как следствие, автомат. Хотелось только узнавать новое. А следовательно – больше слушать, чем говорить. Не скрою, что был польщен тем, что оказался одним из трех студентов в группе, кто сдал зачет у Кузнецова с первого раза. Тогда меня восхитила его жесткость, неумолимость – либо человек понимал и мог рассказать, что прочитал за эти семинары, либо отправлялся на пересдачу. Когда сел сдавать зачет, то сначала достался текст, который я не прочитал, о чем честно ему и сказал. Еще больше восхищения – он разрешает выбрать текст самому, «лишь бы мог рассказать, о чем он». Я выбираю «Порядок дискурса» Фуко – уже тогда я понял, что этот «Фуко» что-то такое модное, что те, кто хотел с первого курса изобразить из себя «ценителя» и «знатока», при упоминании этой фамилии начинали трепетно восторгаться его работами и всячески демонстрировать свое знакомство с ними¹². Не просто изображать знание, но и делать это под влиянием моды и общественного мнения – это казалось мне отвратительным, противоречащим самому духу философии. Потому «Порядок дискурса» прочитал через силу, самым последним, прямо перед зачетом. Честно скажу, был удивлен – текст был понятен и прост, больше – просто очевиден. Зачет был сдан легко, а Кузнецов лишь заметил: «одного ума недостаточно – читайте больше». Я лишь улыбнулся в ответ – ведь знал, что чтение – единственное, чем я занят помимо учебы. Однако решил кичиться этим как можно меньше. Вплоть до того, что в дипломной работе решил указать лишь те источники, на которые ссылался, а не запикивать в библиографию сотни книг, прочитанных за пять лет. Как следствие, на защите моего диплома Кузнецов не поленился взять речь и сказать, что книг в библиографии указано мало и потому, по его мнению, оценку следует снизить. Это привело к моему

¹² Отдельно стоит заметить, что следует отличать творчество Мишеля Фуко от его профанации и моды на него. В данном случае речь идет именно о его фетишизации среди студентов и к действительному содержанию работ, довольно высоко мною оцениваемых, отношения не имеет.

разочарованию в нем – не понятно было, почему он мог оценить мою начитанность лишь по списку в конце работы, а не с помощью вопросов о знании или понимании. Ведь это единственный действительный критерий, единственное возможное доказательство чтения философского текста. Да к тому же стоит помнить, что «многознание уму не научает».

На первом же курсе было введение в специальность. Самое смешное – я не знал, что такое «кафедры». Мне было вообще невдомек, что в философии может быть специализация. Какая глупость! Философ – универсальный мудрец. Он познаёт мир целиком. Целиком, Карл! Что значит – учить всю жизнь эстетику или логику? Всю жизнь копаться в биографии одного и только одного мыслителя? Еще бредовее – в одной теме. Всю жизнь! Это до сих пор не укладывается у меня в голове. Ощущение, что людей, которые думают, что в философии есть специализация, кто-то очень ловко обманул, чтобы не мешались под ногами.

Стал узнавать, что и как с этими «кафедрами» и на какой можно стать универсалом. Сказали: есть ИЗФ, но это скорее история, нежели философия. Еще есть две сильные, конкурирующие между собой кафедры, где можно заниматься философией в самом широком смысле, – онтологии и антропологии.

Первая себя именно так и позиционирует, а те, кто на ней учится, чувствуют себя элитой. В случае моего курса это оказались те же люди, что трепетали от Фуко и всех, кто «в моде», на семинарах у Кузнецова. Удивительное совпадение. Еще у них там декан.

Вторая – это какие-то фрики, говорящие странные вещи. А еще у них там единственный философ факультета – Федор Гиренок. Странная личность, сказали мне. Его здесь никто не любит.

Как ясно из предыдущих глав, мой выбор был предсказуем – я хорошо знаю, что одобренное большинством и элитарное на поверку оказывается раздутым мыльным пузырем. А таланты следует искать среди всеми гонимых маргиналов. Ведь именно это – способность продолжать быть впереди, несмотря на сопротивление общества, будучи непонятым толпой и ею непризнанным, делать свое дело так, что она не может просто игнорировать, – а не общественный консенсус является основным фактором. Легко прослыть одним из лучших, вложившись в первую очередь в PR. Но быть им, несмотря на предубежденность общества, – это показатель чистоты эксперимента. Потому, раз этого Гиренка все не любили, стоило задуматься: не является ли эта сторона верной, раз уж на другой очевидное большинство? Раз его не любят, значит не могут просто сбросить со счетов; не замечать; забыть.

И вот пара от кафедры антропологии. В аудиторию входит женщина, от которой не оторвать глаз. Она говорит вещи, которые греют мне душу: «вам скажут “человек в мире”, мы говорим – “мир в человеке”». Легко могу вызвать в памяти то, как она это говорила.

Здесь стоит добавить: думая над тем, что хотел бы углубленно изучать в университете, понял – безумцев. Ведь всегда есть проторенная тропа, на которой очередь людей, лишенных воображения. А есть обходные, тайные пути, доступные лишь тем, кто способен мыслить свободно. Тем, чье мышление не укладывается в рамки, что зовутся «нормой». И именно эти пути могут привести к настоящим сокровищам, а не к ощипанному и вытоптанному лугу, на котором теснятся и толкаются одуроченные овцы.

Подумал – вот это да, то есть можно пойти учиться к красивой женщине, которая к тому же учит именно тому, что мне представляется единственно верным путем. Ведь очевидно – раз философ – это человек, необходимо в первую очередь изучить человека, то есть себя, все самообманы, все возможности разума и воображения. Более того – это королевский путь к победе над любым противником, куда тот будет человеком.

В тот же вечер пошел в магазин и купил книгу Натальи Ростовской «Человек обратной перспективы», посвященную юродивым. Неплохо, подумал я. Жаль только, уж слишком она религиозна. Впрочем, кто не без греха?

Пошел разузнать о ней побольше. Узнал – это жена того самого Гиренка, который, кстати, еще и специализируется именно на безумцах. Всё логично, понял Штирлиц: философ потому и тянется к мудрости, чтобы выбирать всегда самое лучшее. Лучших женщин в том числе. Следовательно, у этого мужика явно есть чему поучиться. И я вытрясу из него всё – все знания и умения, все секреты мастерства и тайные ходы – всё, что только смогу вытрясти.

Придя на кафедру антропологии, встретил там Екатерину Трушкину. Она шутит сама и смеется над моими шутками. Отлично, подумалось. Если люди шутят – это хорошие люди. И ощутил себя дома.

Встретившись наконец-то с Гиренком, со всей своей ироничной наглостью заявил: «Слышал, что Вы пришли к тем же мыслям что и я. Значит, Вы – умный человек. Потому хочу у Вас учиться». Он посмеялся, но сказал, что у него и так много студентов и мне, скорее всего, места уже не найдется. К счастью, рядом с ним сидел его товарищ, который заметил и сообщил: «Да он левша! Бери его не раздумывая». Гиренок лишь добавил: «Я человек занятой, нянчиться с тобой не буду. Если что-то надо от меня – сам ищи и сам выпытывай у меня». Думается, в тот момент он не понимал, что развязывает мне руки для воплощения моих планов в жизнь. Так я нашел своего идеального научного руководителя, с которым, до самого окончания учебы, даже мысли не имел расстаться.

Надеюсь, однажды я всё же напишу о нем книгу. Книгу о человеке, который карабкался на самый верх, потому что боялся высоты. О самом техничном философе конца XX века, что, принимая во внимание, что этот конец века «техничностью» и был ознаменован, и значило – Философ. О человеке, который играючи бился один против всех и выходил победителем. О хитреце и пронице, гипнотизере и манипуляторе, пишущем тексты так, чтобы дураку они казались донельзя простыми, и он даже бы не замечал, как его водят за нос, а вдумчивый читатель найдет в них бездну, в которой парят конструкции, составленные из перемещающихся относительно друг друга слоев, отсылок, лакунов, игр слов, подводных камней и подземных ходов, так, что каждое предложение вызывает сдвиги во всем тексте, а те в свою очередь вызывают новую лавину смыслов. О философе, который научил меня тому, что философ – это прежде всего Человек, и если вы плохой человек, то не получится из вас и плохого философа.

(Думается, основное уважение Гиренок вызывает еще и в связи с тем, что он, как и наиболее честные с собой мои современники, хорошо понимал – общество – это спектакль. Он отлично играл роль «Русского Философа», сам ее же для себя и написав. Умел манипулировать залом и оппонентом, читателем и слушателем.)

Путь был избран, и уверенность в его верности лишь крепла. Ведь именно там, давайте сделаем вид, будто это могло быть неожиданностью, на кафедре антропологии и проблем комплексного изучения человека, мне повстречалось еще множество прекрасных людей и отменных преподавателей, каждый из которых достоин отдельного упоминания.

В первую очередь, несомненно, Дарья Павловна Козолупенко. «Женщина, научившая меня читать» – так я о ней вспоминаю. Стоит добавить – восхитительная. Она брала в руки книгу и медленно ее читала, давая свои комментарии. Это были «О Грамматологии» Жака Деррида и «Бытие и Время» Мартина Хайдеггера. «Именно так, – говорила она, – великих философов и надо читать». Медленно, размышляя над каждым предложением, пока оно не станет понятным. Она научила видеть подводные камни в текстах, уловки авторов, противоречия между пассажирами. Показала, как автор может водить нас за нос, отвлекая наше внимание. Как строится философский текст и как его можно деконструировать. Как в простом с виду утверждении распознать скрытую полемику... об этом можно писать еще и еще, но, думается, мой текст уже сказал даже больше, чем задумывалось.

Необходимо сказать и о Вячеславе Данилове, человеке, вызывающем у меня уважение и «недоумение» разом. Его знаменитое «ИЗФ», полное желчи, но и метких замечаний, лаконичных и точных определений, и в то же время – едких комментариев. Быть может, это самый важный труд, оставшийся неопубликованным. Это был подвиг Прометея – принести людям весть о том, что все короли под одеждой голые, обнаружить тайные рецепты академической кухни, выбить на гранитной плите интернета все истории, которые их участники надеялись похоронить в Лете. Конечно, после этого он стал для всех гостем незванным и нежеланным. «Не-руко-пожатным». Бесстрашная суицидальность – поступок вызывает уважение. А вот «недоумение» вызывает тот факт, что в конце он сломался и попросился обратно, под свет софитов. Да, его место по-прежнему позволяет ему раздвигать рамки академического дискурса, но это место дано ему самой же академией, с позволения которой он и раздвигает ее стены (впрочем, судя по всему, и орел продолжает клевать его печень). Это уже не революционно-подрывная серия поступков, но обыкновенная работа по расширению возможностей системы. И всё же – именно благодаря ему и его спецкурсам мы стали понимать, куда попали, что это за чудище – «современная российская академическая философия». Более того, он знакомил и с современной западной философской модой – о чем ведутся споры, какво проблемное поле, кто и что на слуху. В общем всё то, что я бы никогда не узнал сам, просто потому, что не стал бы интересоваться. Такова его роль – напоминать, что, рождая мысль для завтрашнего дня, устремив при этом свой взгляд в прошлое, на историю философской мысли, нужно озаботиться свежими картами сегодняшнего дня. Нужна социология философии, чтобы история философии могла успешно обратиться в практическую любовь к мудрости.

Вячеслав Дмитриев и Яков Иосифович Свирский – два человека, столь по-нищешански легких, что их лекции были чем-то гораздо большим, чем пошлым, клишированным и растражированным «глотком свежего воздуха». Это был веселый и невинный танец воина на палубе тонущего корабля. Два философа, два человека достойных и столь неимоверно талантливых, что им, кажется, самим за это стыдно. Два смеющихся философа. Поэтому нет ничего удивительного, что именно эти люди направили меня к изучению Делёза, с первых страниц ставшего моей второй философской любовью. Здесь, конечно, нужно добавить, что во всем остальном они различны – и в делах своих, и в стилях, и по форме, и по существу. А потом добавить еще много восторженных слов – о графанализе и «Анонсенсе», у которых еще столькому надо научиться; о неоплатном долге и терпеливости в ответах на мои бесконечные вопросы; но скажу лишь без всякого пафоса: какая же должна быть дикая внутренняя мощь, чтобы идти сквозь ад смеясь!

Мне неловко, признаюсь вам, перечислять всех поименно. Ведь текст линейен, а значит, в нем есть первые и вторые. Разве можно не сказать о Елене Косиловой, чьи лекции по философии психиатрии и истории психологии были ценны не только содержательно, но и эстетически. Они были музыкой. Они были чарующей песней. Впрочем, почему «были»? Ведь ее лекции до сих пор можно скачать в интернете, что она сама и предлагала сделать, и слушать на плеере, на любом музыкальном проигрывателе. Словно они для того и созданы.

О Владимирах Аршинове и Буданове, которых мы называли «латентными постмодернистами», имея в виду, что они понимают современность, но для них это почему-то казалось оскорблением. Синергетика, теория систем, сложность – во время учебы это казалось какой-то сверхсовременной техномагией, наукой философского ниндзя эпохи киберпанка. Курс КСЕ и синергетики был примером нового способа хранения и передачи знаний. Владимир Григорьевич рисовал на доске эзотерические схемы, описывающие функционирование огромного разнообразия ментальных машин – от фигуры из трех треугольников, вырастающих друг из друга и заключавших в себе всё историческое развитие физики, до спиралей,

позволявших обнаружить скрытые переходы между состояниями сознания. Семинары Владимира Аршинова представляли из себя практические уроки в лаборатории мысли. Словно утомившись за многие годы исследования от всех мыслей, теорий и систем, что были в прошлом, но даже и тех, что циркулировали в настоящем, он требовал нового, и только нового. Дав нам самоорганизоваться, он на равных вступал в обсуждение выбираемых нами докладов и предлагаемых идей. Еще был курс Вячеслава Семеновича Стёпина. Почему-то многие видят какой-то негативный, чуть ли не оскорбительный смысл в том, что я восхищаюсь Стёпиным как «мощнейшей и сложнейшей машиной». Надеюсь, в контексте сказанного о модели RPG становится ясно, что подобная ассоциация – это продукт искреннего уважения к человеку, достигшему высших уровней и собравшему по пути сборку навыков, достойную считаться произведением искусства. Видя, как оперирует мыслями, состоящими не из нескольких статичных объектов, даже не из структурных отношений между объектами, но из отношений между динамически развивающимися системами разных типов, ритмов и траекторий, я впервые был действительно потрясен возможностями мозга и интеллекта. Основным подтверждением моих слов является тот факт, что ныне мне они коллеги. И потому лишь добавлю, что привели меня к ним поиски наиболее мощных методологий и ныне чувствую себя словно в тайном тибетском монастыре, где великие монахи-воины делятся со мной техниками секретных боевых искусств.

У самого завершения стоит отдельно сказать о тех современных философах, которые пусть не преподавали нам, но чьи книги взращивали в нас веру в то, что можно здорово мыслить и вкусно писать на русском языке, – о Вадиме Рудневе, Сергее Зимовце, Викторе Мазине, Вадиме Рабиновиче.

Неловко забыть кого-то важного. Кого-то обидеть слишком коротким упоминанием. Потому скажу так: это не топ 10 хотя бы потому, что здесь перечислены 15 человек. Но всё же это топ – вершина, внутри которой уже не хочется выстраивать никакой иерархии.

Прежде чем закончить, на правах неожиданного поворота сюжета, сделаю еще одну зарисовку. Когда начался курс религиоведения, я понял, что религиовед из меня не мог бы выйти, ибо его во мне и в помине нет. Но преподаватель курса, который, к счастью, не только читал нам лекции, но и вел у нашей группы семинары, Кирилл Иванович Никонов, с первых мгновений предстал тем, кем он навсегда и остался – тем, кем мне всегда хотелось быть. Сногшибательная эрудиция, искренний черный юмор, черный же костюм, включавший в себя также черные рубашку и галстук, контрастировавший с пепельными волосами, манеры игры беса, жизненная мощь кваркового синтеза и сердце воина – я встретил живое воплощение своего представления об идеальном себе. Вот только он всей душой ненавидел опоздания, а я, быть может лишь несколько считанных раз, а может и ни разу, не пришел ни на лекцию, ни на семинар вовремя. Знания о религиозных сообществах и организациях, а также их учениях надолго в моей памяти не задерживались. На первую пересдачу я себя отправил сам, на вторую, видя всю бессмысленность этого предприятия, Кирилл Иванович отправлять меня отказался. В дипломе, на вкладыше со списком пройденных курсов, напротив словосочетания «Философия религии» стоит длинное слово – «удовлетворительно». Однако разве это что-то меняет?

Такова последняя зарисовка. На том довольно. Вот – аттракторы, что притяжением своим сформировали траекторию мою и тех людей, что были со мной. И теперь мы перейдем к ним.

Страх и ненависть на философском факультете

*Развлекайся!
Развлекайся, как можешь!*

*Развлеки себя сам
Тебе никто не поможет.
NRKTK «Развлекайся»*

Прежде чем начать разговор об однокурсниках, вспомним модель, что была описана в предыдущих главах – модель RPG. Дело не в том, что будто бы мы функционировали по ней, а другие поколения нет. Понятное дело, что философия всегда была расчерчена на школы, группы, направления, каждая из которых обладала своим набором навыков, концептов и методологий. Если и есть прогресс в философии, то он состоит в широте экспликации априорных механизмов. Что значит – зная о модели RPG, мы осознанно пользовались ей, а она давала нам оптику для выбора пути. Если раньше этот процесс, судя по всему, происходил бессознательно и люди просто оказывались в какой-то среде, с какими-то навыками, и оставались им верны, то теперь первое, что делали мы – это всеми силами старались узнать, какие ветки прокачки существуют, что они дают, какие пути открывают и какова цена их получения.

Это можно перепредставить с помощью коллекционной карточной игры Magic: the Gathering (сокращенно MTG): у каждого из нас есть колода карт. Карты надо искать, покупать, меняться. Некоторые легкодоступны, но слабы. Другие же редки и дороги, но дают гораздо больше возможностей и преимуществ. Все карты положить в колоду не удастся, ведь она ограничена размером. Впрочем, их можно просто иметь в коллекции, чтобы в случае необходимости добавлять в колоду. То же верно и для философии: у нас есть тело и ум, которые, возможно, ограничены в плане хранения информации (неиспользуемое забывается). Есть разные концепты, знания и методологии. Выбирай с умом: герменевтика или деконструкция? сетевой анализ или системный? психоанализ или НЛП? ритм-секция или соло-гитара? Часть знаний можно хранить в виде книг в домашней библиотеке – так, в случае необходимости, легко будет просто достать книгу и прочитать, закачав тем самым знания в мозг.

Но это – начальный уровень. *Ad usum Delphini*, так сказать. Ведь, во-первых, продвинутые современные философы создают методологии с большей потенциальной мощностью, совмещающие в себе лучшее из нескольких подходов: фрейд-марксизм, стоико-эпикуризм, трансцендентальный эмпиризм и т. п. Прогресс здесь состоит в увеличении возможностей при уменьшении деталей. Структурализм – постструктурализм – теория систем, где каждый следующий шаг позволяет охватить все большую область, включающую области предыдущих методов. Но даже этого мало – ведь настоящий философ делает свой метод сам. Объединить Берроуза с эволюционной эпистемологией, де Сада с Мазохом, реализм с идеализмом. Технологический дендизм мышления.

Следующим шагом идет выбор соответствий – ведь различные методологии используются в различных ситуациях. Какие-то для работы с текстом, какие-то для работы с публикой, какие-то для работы с мыслями. И они могут как перекрывать друг друга, могут сбиться, а могут функционировать сообща, давая результат, в разы превышающий сумму частей. «Некоторые навыки явно пересекаются – в том смысле, что, развивая один из них в реальной жизни, мы неизбежно развиваем также и второй»¹³. Идеал – не случайная сборка (которая, конечно, всегда будет первым шагом, куда жизнь полна случайностей), а динамическая система, в которой одновременно всё работает друг с другом, взаимоповышая потенциалы, и при этом всё заменимо и модифицируемо в любой момент. Ведь в конечном итоге концепт системы тоже имеет свою эволюцию. Более того – концепт методологии, и сама методология, методология Щедровицкого – вот величайший прогресс в мышлении. Думается, если говорить о прогнозах, скоро образование должно будет обратиться именно к этому – к четкому

¹³ Мишура А. Система развития навыков в RPG как поле философской рефлексии.

обучению методологиям как plug-in'ам и add-on'ам для мышления. И будущие студенты смогут точно выбирать навыки и умения, имея перед собой каталоги концептов, где указаны открываемые ими точки зрения и возможности.

В поиске этих карт и методов и состояло наше обучение. Прийти на курс по Витгенштейну к Зинаиде Сокулер, чтобы быть уверенными, что «Логико-философский трактат» и «Философские исследования» не только будут прочтены, но и поняты под присмотром профессионала. Чтобы разобраться в том, где, кто и что подают, отправиться на курс к Вячеславу Данилову, чтобы получить карту академического сообщества. Но также и – пойти учиться играть на барабанах, чтобы начать мыслить ритмически. Научиться НЛП, чтобы уметь воздействовать на публику. Изучить логику, чтобы выигрывать в спорах. Разные школы, кафедры – клондайки тайных знаний.

А после – битвы и соревнования – между студентами и группами, между бандами и старыми. Онтологи, чей трюк состоял в том, чтобы хором смеяться, смущая и сбивая оппонента, чтобы потом нанести удар. Антропологи, чей трюк был в том, что каждый, будучи автономным мыслителем, атакует со своей стороны, делая атаку нелинейной и множественной, превращая оппонента в мяч, перебрасываемый между бойцами. Атака диалектикой, эрудицией или игрой слов. Вывод противника за границы здравого смысла, где он будет чувствовать себя неуютно. Психоанализ оппонента, позволяющий увидеть слабые места его психики. Именно в этом пространстве разыгрываются теперь все события.

Думается, смена вопроса с «в какой области ты специалист?» на «что ты можешь?» – одна из важнейших черт, присущих поколению в целом. И, как и во всем, разница между представителями заключается в том, насколько эксплицитно это понимание и насколько оно разработано.

Обратим теперь взор на тех студентов, что собрались в небольшом помещении кафедры антропологии. К сожалению, не могу перечислять их поименно – они не давали на это согласия.

Как позже замечали некоторые преподаватели, это была действительно довольно сильная группа. Думается, мы понимали, что если хочешь идти своим путем, то придется биться за каждый свой шаг, а следовательно, нужно быть к этому готовым. Несомненно, существовала и внутренняя конкуренция. Впрочем, это означало не только «читать много книжек», но, даже в первую очередь, тренировать свои интеллектуальные способности. Так, среди нас был бывший математик, который поставил себе задачу закончить факультет, не прочитав ни одной книги. Решил сделать ставку на скорость понимания и умение быстро ориентироваться и действовать. Стоит сказать: закончил.

Можно также сказать, что основной линией был XX век – начиная с Ницше и Кожева и заканчивая Делёзом. И пускай этот круг интересов будет выделен как одна из черт уже не поколения, но более узкой группы. Да, мы не чурались русской философии, читали как современных авторов, так и древних. Но читали мы их во имя будущего, дабы учиться на чужих ошибках или, наоборот, новым для нас ходам мысли.

Другими двумя основными чертами были практическая и антиакадемическая направленности.

Первое – практическая направленность. Отдельной колонкой идут эксперименты над собой: сидеть часами в полной темноте, зная, что всё, что в ней покажется – это жители твоего собственного сознания, с которыми здесь, в темноте, возможна вполне реальная встреча; сидеть часами перед зеркалом, чтобы сломать идентификацию «я», увидеть себя как Другого; ходить весь день с заклеенным ртом или с завязанными глазами; научиться выключать внутренний монолог; провести сталкинг – окунуться в память, с тем чтобы реконструировать всю свою историю с детства до сего момента... список огромен. Но это так же важное от-

личие – быть не просто буддологом, но буддистом. Хочешь разбираться в музыке – научись играть. Изучать кино? Тогда снимй хоть один фильм. Шизофреников? Сойди с ума. Эксперименты, иногда крайне рискованные, но необходимые для того, чтобы не пересказывать прочитанное, а рассказывать о пережитом. Опыт, ХР.

Вторая черта следует из первой и раскрывается за счет нескольких цитат: «Неужто на нашу долю выпало лишь составление сборников да выпуск тематических номеров журнала?» [Делёз 2011: 206]¹⁴, «И что я, по-вашему, буду в пятьдесят лет кричать “мамочка, смотри, я написал пять страниц!”» (один из моих одноклассников), «только старые преподаватели философии еще верят, что есть такая профессия – преподаватель философии» (а это уже он сам). Если ты умеешь читать, зачем тебе пересказ? Если есть интернет, с помощью которого ты можешь найти и узнать всё что было, зачем это повторять? Делай новое, старым и так забиты все библиотеки. Нет смысла делать ставку на эрудицию в эпоху, когда любое знание может быть получено здесь и сейчас, стоит лишь правильно сформулировать запрос в Google. Именно поэтому данный текст и начинался с описания субъекта, который его пишет. «Кто говорит?» – вот в чем вопрос. Всё зависит от точки зрения. Кто станет учиться бизнесу у человека, который не может себе позволить новую рубашку? А витгенштианинцу, который не ощущает мистичности мира? Закомплексованному психоаналитику? Неорганизованному теоретику систем? Какой смысл слушать мнение о наркотиках человека, который никогда их не пробовал? Какой смысл доверять суждениям о переводах Делёза, если сама его философия предполагает отказ от того, чтобы судить?

Остается лишь добавить – да, автор данного текста Делёза любит. И быть может, покуда Делёз действительно моден сегодня, то его философия – это также особенность времени. Разница лишь в том, насколько для каждого данного индивида это мировоззрение эксплицировано и осознанно. Ризома, Тело без Органов, машины, потоки, сборки, линии ускользания, шизофрения и паранойя, перверсия и путешествие на месте – разве концептуальный набор Делёза не представляет собой наиболее подходящий словарь для описания поколения Y и того, что происходит в современном ему мире? Поскольку философский «концепт – это форма крика», постольку философия ждала всё время тех, кто знает толк в жанре scream.

Думается, таков вывод: «Вопль» поколения? «Вой»? Смешно. Поэзия и музыка моего поколения соткана не из букв, фонем и нот, но из криков и рычаний. Из scream'a and growl'a.

Бесконечность не для слабаков

*Попробуй найти мой след в исчезающем поколении
Я умело заметал следы, и это – мое преступление.
[AMATORY] «Преступление Против Времени»*

2012 год. Пишу статью «Постмодернизм, пост2 модернизм и далее» [Белоногов 2014: 325–346], где пророчу обращение философии на будущее и приход поколения, лишённого заданных правил. Выбираю себе тему «знания-вируса», поскольку считаю, что современность «вирусологична». А после – в 2013 году – мы создаем «le Shizo» – экспериментальное философское интернет-сообщество. Принимая во внимание вышеописанные тренды, была мысль – философия должна найти свое место в сетевом мире, необходимо понять, как делать философию в интернете. Не скучные картинка с цитатами, не подборки книг и статей, не однообразные пережевывания старых мыслей. Что-то, что еще только грядет.

¹⁴ Стоит добавить продолжение цитаты «Или же нам следует кратчайшим путем познать самих себя: быть немножко алкоголиком, немножко сумасшедшим, немножко самоубийцей, немножко партизаном-террористом».

В том числе это был обходной маневр – дать пространство всем тем, кому тесно в рамках академических журналов. А также понять, чего хочет публика.

Словосочетание «философское интернет-сообщество» казалось тогда всем каким-то оксюмороном. Энтузиастов тоже оказалось настолько мало, что надежды делать посты каждую неделю растаяли как утренняя греза. И всё же были люди – участники сообщества часто менялись, но были. Были люди, готовые делать что-то свое, не боявшиеся «диванных критиков», готовые экспериментировать с форматом, выдвигать рискованные идеи и при этом не ждать всеобщего одобрения.

Несомненно, необходимо сказать, что кроме «le Shizo» был также и «Финиковый Компот», ребята из которого почему-то решили противопоставить себя нам. Но если и вижу между нами какое-то противопоставление, то вовсе не в темах (аналитики / континенталы), ведь и их темы нам иногда оказываются близки, а им наши; не в подходе – ведь они также, как и мы, решились на эксперимент; скорее разница оказалась в том, что «ФК» – это сообщество людей, в то время как «le Shizo» – это динамическая сборка одиночек. Мало кто из наших авторов задерживался надолго, иногда уходя в закат, а иногда – создавая свои проекты.

Тогда, в последний год обучения, казалось, что будущее уже за порогом – технологии позволят интровертам выйти на агору, философия станет модной, а мы устроим революцию...

2014 год. Все происходит наоборот. Никому нет дела до философии, недалекие экстраверты правят балом, а нам остается лишь бороться за выживание.

Про эти годы говорить не хочется – он ушел во внутреннюю эмиграцию, ищет вакцину от ressentiment – в первую очередь, от своего. Из всего коллектива «le Shizo» остался лишь Сергей Мерзляков – друг, товарищ и аналитический философ. Один из тех немногих, кто также решил выбрать путь «академии». Остальные участники разошлись, каждый в своем направлении. Что, в общем-то, неудивительно, принимая во внимания «антиакадемичность».

Лишь стоит добавить, что если бы не Владимир Григорьевич Буданов, который пришел на помощь в один из худших периодов моей жизни, то меня бы здесь не было.

2019 год. Засыпаю с успокоительной мыслью – доделать все свои дела и к концу недели наконец-то покончить с собой. На тот момент, казалось, у меня не осталось ничего кроме усталости.

2019 год. Несколько дней спустя. Мне пишет некто Алексей Кардаш и предлагает коллаборацию – он недавно создал довольно успешное и яркое философское интернет-сообщество «Insolarance Cult» и предлагает написать для них статью. А заодно и прорекламить «le Shizo». Конечно, я соглашаюсь.

Так переворачивается страница. И я оказываюсь в том самом мире, который и предсказывал: Сеть полнится философскими сообществами всех вкусов и расцветок, которые создают новое поколение – поколение Z, – начисто лишённое всех тех рамок, что сдерживали нас, а сама философия, став модной среди школьников, занимается вопросами прогнозирования и творения будущего. Еще через год мир встретится лицом к лицу с Covid 19, и вирусы станут основной повесткой дня.

Сейчас, оглядываясь назад, понимаю – всё так и должно было случиться. Ведь перед тем, как талантливые интроверты всех мастей выйдут на ринг, кто-то должен был создать для них инфраструктуру. Должно было накопиться достаточно философов, которым тесно в имеющихся рамках, чтобы образовать волну, сметающую всё на своем пути.

Смотря по сторонам, вижу, сколь немногих, по прошествии времени, мог бы назвать Философами без всяких натяжек. Таких четверо – Сергей Мерзляков, Алексей Кардаш, Георгий Шулико и Евгений Логинов. Считаю излишним что-то к этому добавлять, как-то описы-

вать их или характеризовать. Ведь поскольку вижу их таковыми, постольку уверен, что они отлично выскажутся сами за себя, тогда, когда посчитают нужным.

Быть может, я уже сделал свой успешный прогноз на будущее, которое наступило. Но что-то, наверное, мой Даймон, подсказывает мне, что это только начало.

Во-первых, изменится способ преподавания философии. Классические курсы будут записаны и станут канонами. Определенную роль в этом сыграют те самые философские сообщества, в которых оформится представление о философах прошлого как о страницах, со своими проблемами и концептами, и персонажами. Так история философии станет каталогом. Различные философские методы выкристаллизуются, а все желающие смогут выбирать из них те, что им по вкусу.

Во-вторых, начнется борьба за сферы влияния между поколениями X и Y. Мы будем изо всех сил стараться не дать поколению X передать свои ценности подрастающему поколению. Ведь Иксы выросли во времена, когда герои уже не были возможны. Но им чего-то не хватило для того, чтобы понять – да, время Героев закончилось, но лишь потому, что пришло время Супергероев. Ушло время Истины, но пришло время Реальности. А значит, преимущество на нашей стороне. And We Will Win.

В-третьих, нас ожидает еще большая фрагментация, еще большее разнообразие. Но то, что будет после, видимо, уже будет зависеть от Искусственного Интеллекта. А еще – от развития «магических» практик. Да, приход «экономики нуминозного» – это мое старое предсказание, которое пока еще не оправдалось, но я уже вижу множество ее ростков во всех направлениях. Ведь это логично – быт будет становиться всё более простым, освобождая всё больше времени на размышление, а, следовательно, рамки повседневности станут не то что тесными – просто скучными.

И придет время Большой Игры. Возможно, в виде образа из фильма и книги, популярных во времена моей юности и ставших ныне популярным жанром видеоигр. Battle Royal. Королевская Битва.

Белоногов И. Н. 2014. *Место и роль философии в современном мире* // Аспекты: Сб. статей по филос. проблемам истории и современности: Вып. IX / Под ред. Н. В. Гоноцкой, А. С. Ветушинского. – М.: Издатель А. В. Воробьев. – С. 325–346.

Белоногов И. Н. О связи понятий «человек» и «идентичность» в современной философии. – Доступно: <http://philh.ru/index.php/arkhiv-materialov/video/197-belonogov-i-no-svyaziponyatij-chelovek-i-identichnost-v-sovremennoj-filosofii>. – Проверено: 09.12.2024.

Белоногов И. Н. 2022. *Кричащие машины. Пустынные хроники*. – Философские поколения. – Отв. ред. Ю. В. Синеокая. – М.: РАН. Институт философии. – 1147-1177 с.

Делёз Ж. 2011. *Логика смысла* / Пер. с франц. Я. И. Свирского. – М.: Академический Проект. – 472 с.

Делёз Ж. 2015. *Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87*. – М.: Ад Маргинем Пресс. – 376 с.

Аветисян С. Эпоха менеджеров закончилась! – Доступно: www.e-executive.ru/management/biznes-liderstvo/1851757-epocha-menedzherovzakonchilas. – Проверено: 09.12.2024.

Мишура А. Система развития навыков в RPG как поле философской рефлексии. – *Финиковый Компот*. – Вып. 7: Видеоигры. – Доступно: <http://philosophy.ru/fk/fk-7/sistemarazvitiya-navykov-v-rpg/>. – Проверено: 09.12.2024.